

своего отечества, подобно детям, которые, быв долго в горестном отсутствии, с радостью возвращаются в недра счастливого родительского семейства»⁸.

Итак, приведенными выше примерами мы стремились доказать, что анализ литературных откликов на крупные общественно-политические события может стать одним из существенных дополнительных компонентов формирования исторической базы исторических исследований. Совокупность частных мнений, высказанных авторами подобных откликов, складывается в достаточно информативную панораму общественных настроений, проявлявшихся в виде общественно-политической и литературно-художественной публицистики на важные темы, бывшие некогда весьма злободневными для современников и продолжающие представлять несомненный интерес для историков.

Примечания

¹ Потемкин П.С. Ее величеству государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице Всероссийской, на приобретение Белья России 1772 года. СПб., 1772. С. 3.

² Майков В.И. Избр. произведения. М.;Л., 1966. С. 243.

³ Херасков М.М. Ода ее императорскому величеству самодержице Всероссийской Екатерине Второй, поднесенная по случаю присоединения от Речи Посполитой к Российской империи областей, и на всерадостное обручение его императорского высочества великого князя Александра Павловича с великою княжною Елизаветою Алексеевною 1793 года мая дня. СПб., 1793. С. 4.

⁴ Петров В.П. Соч.: В 3 ч. Ч. 1. СПб., 1811. С. 156.

⁵ Рубан В.Г. Пеан, или Песнь на победы, одержанные генералом графом Александром Васильевичем Суворовым-Рымникским над мятежниками польскими в окрестностях города Бреста-Литовского, близ Крупчицкого монастыря, при реках Мухавице и Буге, текущем в Вислу, 6 и 8 сентября 1794. СПб., 1794. С. 3–4.

⁶ Ода ее императорскому величеству, великой Екатерине, матери Отечества. На усмирении польских возмутителей и на покорение Варшавы. СПб., 1794. С. 4.

⁷ Московские ведомости. 1794. 2 дек. (№ 96).

⁸ Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 290.

*Е.Г. Ренёв
(Ижевск)*

ТЕМА КРАСНЫХ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ В ПРЕССЕ ИЖЕВСКОГО ВОССТАНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО УЧАСТНИКОВ

Для современной историографии Ижевско-Воткинского антибольшевистского восстания (8 августа — 13 ноября 1918 г.) тема участия интернационалистов в боях на стороне Красной армии стала одним из главных моментов в описании его хода и объяснении его поражения. Различия наблюдаются, пожалуй, только в толковании масштабности их вовлечения в события более чем 90-летней давности между различными авторами. Так, ряд авторов считает, что интернациональные части 2-й и 3-й армий красных не только сыграли решающую роль в подавлении восстания ижевских и воткинских рабочих, но и были главными участниками красного террора, развязанного победителями против восставших, другие же более склонны винить их именно в военном поражении повстанцев. Квинтэссенцию постулатов первых представляет собою, пожалуй, большая работа Н.А. Нефедова «Красные латышские стрелки», а точнее ее глава под названием «Борьба красных латышских стрелков против ижевских и воткинских рабочих». Костяк интернационалистов, по мнению этого автора, составляли латыши, в меньшей степени — венгры и австрийцы (отряд последних ижевцы будто бы уничтожили в начале восстания). Именно латышской и

особенно командира 2-й армии В. Азина обвиняет Н.А. Нефедов в учинении кровавой расправы над повстанцами после их поражения: «Имена же командира 7-го Бауского лат. стрл. полка Мангулса и латышского комдива В. Азина, — утверждает он, — учинивших кровавую расправу в Воткинске и Ижевске, после захвата их красными произносились здесь не иначе как с проклятьем... Утром комдив В. Азин приступил к кровавой расправе над оставшимися в Ижевске населением. Родственники непокорных рабочих, в том числе старики и женщины, по приказу В. Азина были расстреляны в первый же день. Повторилась кровавая ярославская баня»¹. И хотя эта работа была впервые опубликована в 1982 г., ее главные постулаты присутствуют сегодня на множестве сайтов и в том или ином виде в печатных трудах. Причем, очевидно, влияние этой работы настолько велико, что ее основные выводы воспроизводятся и под другими именами².

Положения о решающей роли латышских стрелков в подавлении Ижевского восстания и их последующем прямом участии в красном терроре остаются общим местом даже в самых последних работах по восстанию. Так, в частности, А.А. Шепталин утверждает, что «на подавление восстания были брошены самые верные и боеспособные силы Красной армии, половину которых составляли отличившиеся особой жестокостью «интернационалисты» — части латышских и китайских стрелков, а также наемников из бывших военнопленных венгров, австрийцев, немцев и турок»³ (участие последних — своего рода «открытие», нигде до этого об участии турок не упоминается). Ему вторит, ссылаясь на авторитет А.И. Солженицына, И.И. Кобзев, когда-то одним из первых подынявший тему Ижевского восстания: «... на площади... из пулемётов в первую годовщину революции красными латышами были расстреляны собранные по всему городу первые 500 ижевских заложников»⁴.

Более сдержаны в своих оценках другие авторы, оставляющие за интернационалистами важную роль в военных успехах красных. Так, в частности военный историк А.А. Петров пишет: «... Ижевским рабочим не оставалось ничего другого, как только утром 7 ноября по заводскому гудку предпринять массированную беспатронную штыковую атаку. ... От совершенно неожиданного и сокрушительного разгрома Азина спасла лишь стойкость латышского полка Черерева»⁵.

Насколько обоснованы эти выводы, попробуем разобраться, обратившись непосредственно к воспоминаниям участников восстания, а также его прессе и документам.

Газеты Ижевского восстания совершенно по-другому, чем современные авторы, относятся к красным интернационалистам. Так, на страницах главных печатных органов восстания газет «Ижевский защитнику» и «Народовластие» практически не встречается резких выпадов в адрес латышских стрелков (которые сегодня считаются главной ударной силой Красной армии того периода), а тем более рассказов об их «кровавых злодеяниях». Нет их даже в рассказе о знаковом событии — подавлении Ярославского восстания, в котором, как отмечают историки противоположных взглядов, красные стрелки приняли самое активное участие. Главным союзником большевиков в подавлении последнего объявляются немцы, они же, чаще всего вкупе с венграми, обозначаются интернациональными противниками повстанцев⁶. «Кто расстреливает?, — вопрошает «Народовластие», — Те, кто предал нашу родину, кто

вместе с ее врагами — немцами и мадьярами безконтрольно хозяйничает в доброй половине ея⁷». Да и свою цель повстанцы в многочисленных воззваниях обозначают как «освобождение России от немцев и предателей-большевиков»⁸.

Самая, пожалуй, жесткая постановка темы интернационалистов и участия их в терроре в прессе восстания содержится на страницах газеты «Прикамье», выходящей в Сарапуле и потому, вероятно, более свободной в высказываниях. Но и здесь повествование идет о событиях не в районе восстания, а в соседней Казанской губернии в г. Спасске, где «отрядом Мольтке, в котором находились как латыши, мадьяры, так и русские красноармейцы, которых, однако, было очень немного», проводились реквизиции и расстрелы⁹.

Однако именно со страниц «Прикамья» благодарит латышской за свое спасение неизвестный ижевский повстанец, попавший в плен в бою под Ижевском 18 августа 1918 г. в своем рассказе «В плену у красноармейцев»: «Захватив, нас отвели в сторону, версты на полторы и готовились тотчас же расстрелять, но в это время подъехал главнокомандующий красноармейцев Антонов и запретил расстреливать в виду того, что он будет лично снимать допрос... По приезде в Сарапул держали нас у пристани до 8 час. вечера. Совецались что с нами делать? Получилось отправить в тюрьму, куда нас и погнали. По дороге около матросской секции матросы хотели нас расстрелять, но охранявшие нас латыши не допустили»¹⁰.

В целом складывается устойчивое впечатление, что с наиболее многочисленной и боеспособной частью интернационалистов, а именно — с латышскими стрелками, повстанцы пытались как-то договориться. Так, даже самое жестко настроенное по отношению к ним издание «Прикамье» постоянно публиковало тексты, словно хотело подорвать их верность красным:

«Телохранители Ленина. Среди латышской идет сильное брожение. Они говорят открыто, что на родине их считают изменниками делу родины, а в России зовут жандармами и городовыми.

Видимо, в связи с этим за последнее время охрану Ленина составляют персидские, китайские и венгерские интернационалисты, а главным образом германцы»¹¹,

«Латыши за Учредительное Собрание. 30 августа в Самаре Общее собрание латышской под председательством члена Учредительного Собрания Брушанта и уполномоченного чехосовета Влассака постановило призвать латышской и организовать латышские батальоны, которые должны находиться под верховным командованием войск Учредительного Собрания»¹².

Недаром уже в первом номере «Ижевского защитника» в разделе «Телеграммы и сообщения» публикуется обращение латышских стрелков, попавших в плен к Каппелю (или добровольно перешедших на сторону Народной армии?) в Казани, переданное по радио 21 августа в 12 часов дня, в котором в частности говорилось:

«...В решительную минуту деморализованные красные армии, убягая с поля битвы, оставляют латышских стрелков одних, всем им придется погибнуть в это бессмысленной борьбе.

В последнюю минуту наш долг сказать всем товарищам, которые еще борются против народной армии и чехо-словаков:

Товарищи! Опомнитесь!

Если русские большевики сами, без нас, не могут поддержать своей власти, пусть с ними будет то, что и предназначено историей и кровь латышских стрелков не для того, чтобы платить за те немногие часы владычества, которые остались за большевиками...»¹³.

В той же тональности выдержана и листовка на латышском языке, сохранившаяся в фонде «белогвардейских листовок» Удмуртского госархива, в которой им — латышам — объясняется, кто является их настоящим врагом:

«Латышским стрелкам

Я, капитан Степанов, командир северной группы Народной Армии и первого чехословацкого полка, обращаюсь к вам со своим последним словом.

Это безумие, что два маленьких, культурных народа, чехи и латыши, которые столетиями мужественно боролись против немецкого угнетения, сегодня с оружием в руках уничтожают друг друга.

Прежде, чем отдать своему полку приказ о последнем решительном и сокрушительном ударе, говорю вам, латышские стрелки, знайте: наш наступающий и общий враг, прежде угнетавший чехов и словаков, немецкий империализм, спокойно стоит и радуется тому, как мы друг друга уничтожаем. Когда рассеется туман, который застилает ваши глаза, ваше и наше оружие объединится против нашего общего угнетателя, немецкого империализма...»¹⁴.

В первых воспоминаниях, опубликованных через год после подавления Ижевско-Воткинского восстания тема интернационалистов еще не становится одним из главных когнитивных моментов, призванных объяснить причины его поражения. Так, специальное издание «Ижевско-Воткинская годовщина», вышедшее в августе 1919 г. и целиком посвященное теме восстания содержит, среди прочих, и совершенно неожиданный вывод: «Россию погубили мы сами, не посторонние и вражеские силы, ни германская интервенция и инородцы-интернационалисты вместе с мадьярами и латышами, а мы сами — имя которым "Православная Русь". Не существует ни одного класса русского, ни одного слоя русского общества, на котором не лежала бы доля ответственности за развал...»¹⁵. Более того, даже сообщения о жертвах красного террора, развязанного в Ижевске после поражения восстания, никак не связываются с интернационалистами¹⁶.

Такой же подход в целом сохранен и в воспоминаниях командующего Ижевской Народной армией Д.И. Федичкина, несмотря на то, что этот источник завершаются выводом, что «только Латыши, Эстонцы, Китайцы, Мадьяры и немцы с комиссарами евреями, обладая всеми техническими средствами былой Могучей Российской Армии дрались за Советскую власть — за свои интересы»¹⁷. Собственно интернационалисты упоминаются в воспоминаниях только один раз, и то в достаточно нейтральной форме, в описании боев под Ижевском 17–19 августа! Вот этот отрывок: «17 августа часть 2-й красной армии, штаб которой квартировал в городе Сарапуле, в 60-ти верстах от Ижевска, силою в 6000 хорошо обученных и опытных в боях латышей и мадьяр с 4-мя артиллерийскими орудиями при 32-х пулеметах наступали от пристани Гольяны по шоссе на Ижевск»¹⁸.

Почти точно в таком же ключе, как и Д.И. Федичкин, воспринимает роль интернационалистов в российской Гражданской войне, сменивший его на посту командующего ижевских и воткинских частей после падения восстания В.М. Молчанов. В

его обширном интервью Б. Рэймонду, данном за несколько лет до кончины и утвержденном, что немаловажно, лично, даются гораздо более жесткие оценки союзникам чехам или генералу Каппелло, чем красным интернационалистам. Самое существенное упоминание интернационалистов у Молчанова связано с боями весны 1919 г.: «Когда я прибыл на линию фронта Второго Полка (речь идет об Ижевской дивизии и знаменитой ижевской атаке — под гармонь, с танцующей впереди медсестрой Лидой Поповой — *Е.Р.*), я обнаружил, что нам противостоит полк из первоклассных Красных борцов, Третий Интернациональный Полк.

Это была боевая единица Красной Армии, пользующаяся особым доверием, которая состояла из китайцев, латышей, венгров, коммунистов, и, я думаю, некоторого числа немцев». Красные интернационалисты в том бою с ижевцами, по утверждению генерала, были опрокинуты, «но отступили, не оставив ни одного раненого»¹⁹. Более того, «последний белый генерал» не раз с теплотой вспоминал латышей, с которыми ему довелось встретиться в то время²⁰.

В том же духе, что и оба его командира — Федичкин и Молчанов, рассматривал тему интернационалистов в своих воспоминаниях и рядовой участник тех событий В.М. Наумов (воевал в 1918 г. под Воткинском). «Мадьяры, латыши и китайцы — все это была наемная "армия", — писал он, — готовая идти против кого угодно. Латыши и мадьяры держались очень стойко, китайцы же в боях буквально никуда не годились, много их погибло во время боев, потопленных в Каме... во время сильного, так называемого Кельчинского боя. На нас вышли мадыро-латышские части, совершенно не обращая внимания на взрывы бомбометов...»²¹.

Возникает закономерный вопрос — откуда же взялась в историографии тема зверств интернационалистов и их решающей роли в подавлении Ижевского восстания? Похоже, что решающая роль в ее «разработке» принадлежит журналисту А. Гутману-Гану, работавшему во время восстания в различных газетах Ижевска, Воткинска и Сарапула (о его непосредственном участии в боях свидетельств нет). В частности он писал: «Из Москвы, Петербурга, Казани двинуты были коммунистические и латышские части, получившие задание во что бы то ни стало очистить Ижевско-Воткинский район от белых... Особенно трудно доставалось воткинцам, на которых наступали с двух сторон китайско-латышские отряды. Насильно мобилизованных крестьян латыши гнали в наступление, выставив в тылу пулеметы...»

7 ноября красные стремительно ворвались в Ижевск... Расстрелы продолжались более месяца. Главное участие в расстрелах принимали китайцы, мадьяры и латыши. Квартиры рабочих семей, члены которых служили в Народной армии, совершенно разграбили. Семьи ушедших рабочих убивались»²².

Похоже, что именно сочинение Гутмана-Гана повлияло на оценку значения красных интернационалистов в самом известном труде по Восстанию, принадлежащем перу Авенира Ефимова, начальника штаба Ижевской бригады, а затем дивизии (однако, сразу стоит отметить, что присоединился он к ижевцам только в начале 1919 г., то есть после подавления восстания). Начинает он эту тему с описания боев у Ижевска 17–19 августа, которое дает в схожем с Д.И. Федичкиным ключе, преувеличив, правда, количество пушек у красных еще более, нежели их было «насчитано» даже журналом «Первопроходнику» (см. выше):

«Со стороны Гальяны в этот день началось наступление больших сил красных. На этот раз они собрали из своей 2-й армии все боеспособное и послали в Ижевск около 6000 бойцов с восемью 3-дюймовыми пушками, двумя полевыми гаубицами и 32 пулеметами. В отряде было значительное количество коммунистов и преданных красным латышей и мадьяр»²³.

Однако следует отметить, что и он в описании действий частей интернационалистов не доходит до «обобщений» А. Гутмана-Гана: «... Упорство в боевых столкновениях требовало посылки особо стойких частей, составленных из коммунистов, из отрядов "чрезвычайка", из латышей и китайцев... Отряды наемных иностранцев по своей жестокости не отличались от доморожденных коммунистов, и борьба принимала свирепый, кровавый характер с большими потерями с обеих сторон.

Ижевцы, бывшие на "Северном" фронте, вспоминали, как им пришлось иметь дело с каким-то интернациональным полком, в котором все бойцы были одеты в красные рубахи. Сильно опьяневшие, они с пением "Интернационала", переходившего при сближении в дикий рев, бросались на своего противника, несли большие потери, но повторяли атаки по нескольку раз...»²⁴.

Таким образом, пресса и воспоминания участников восстания не позволяют, по меньшей мере, делать однозначные выводы о решающей роли интернациональных воинских соединений в подавлении Ижевского восстания и непосредственном их участии в красном терроре, последовавшим затем. Почти во всех воспоминаниях непосредственных участников боевых действий со стороны повстанцев мы встречаем достаточно уважительные отзывы об интернационалистах (особенно латышских стрелках) как противнике. Что, в частности, подтверждается и до сих пор не введенными должным образом в научный оборот воспоминаниями самих интернационалистов, равно как и непосредственных участников самого красного террора. Так, командир латышей Я. Рейнфельд вообще утверждал, что его латышские роты вошли на окраину Ижевска только 8 ноября, а сам знаменитый вечер 7 ноября (когда, согласно легенде, они были должны решительно сражаться) он провел вместе с Азиным в деревне за 15 км от Ижевска, где они оба и заночевали. В самом Ижевске латышские стрелки провели только около 5 дней, после чего были переброшены в Сарапул²⁵. Что касается террора, то об участии в нем интернационалистов нет ни одного воспоминания самих его участников, разоткровенничавшихся уже после смерти И.В. Сталина или чьи воспоминания были переданы родственниками в архивы в годы горбачевской «перестройки»²⁶.

Примечания

¹ Нефедов Н.А. Красные латышские стрелки // Вече. Мюнхен, 1982. № 4, 5, 6. Православный сайт «Мысли о России»: <http://www.russia-talk.com>.

² См., напр.: Максим Кустов. Созвездие стрелков. Почему латышские стрелки стали самым доверенным отрядом советской власти: http://stoletie.ru/territoriya_istorii/sozvezdie_strelkov.htm; ИСКОЛАСТРЕЛ — Исполнительный комитет латышских стрелков // Для сайта Всероссийского Монархического Центра подготовил к публикации А. Азаренков (Москва): <http://www.monarchruss.org>; Латышские стрелки сделали России кровавую коммунистическую прививку // Бизнес & LV: Еженед. деловой журнал. 2005. № 68 (2693). 8 апр.; и др.

³ Шепталин А.А. Сарапул и Ижевско-Воткинское восстание // Ижевско-Воткинское восстание: история, проблемы изучения и восприятия / Сост. и общая ред. П.Н. Дмитриев и Е.П. Кузнецов. Ижевск, 2008. С. 139.

⁴ Кобзев И.И. Город соглашателей // День. Ижевск, 2008. № 24. 19 июня. С. 12.

⁵ Петров А.А. История рабоче-крестьянской белой армии // Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы и борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 18–19.

- ⁶ Ижевский защитник. 1918 г. № 3. 30 авг. С. 3–4; и др.
- ⁷ Трумп Е. Кровь наших братьев // Народовластие. 1918. (порядковый номер не читается). 3 нбр. С. 1.
- ⁸ Ижевский защитник. 1918. (порядковый номер не читается). 3 окт. С. 1; и др.
- ⁹ Наша жизнь // Прикамье. 1918. № 17. 21 сент. С. 4. Фамилия командира этого полупартизанского отряда Мильке, вероятно, сознательно пишется здесь как Мольтке, для придания ей более немецкого звучания.
- ¹⁰ Ижевский заложник. В плену у красноармейцев // Прикамье 1918. № 3. 4 сент. С. 4.
- ¹¹ Прикамье. 1918. № 15. 9 сент. С. 3.
- ¹² Прикамье. 1918. № 9. 11 сент. С. 2.
- ¹³ Ижевский защитник. 1918. № 1. 23 авг. С. 3.
- ¹⁴ Latweeschu Strehlneekeem // Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. Р-223. Оп. 1. Л. 12.
- ¹⁵ Белорусов (?) Воткинцы и ижевцы и рабочий класс // Ижевско-Воткинская годовщина (Омск). 1919. 17(4) авг. С. 1.
- ¹⁶ См., напр.: Ижевец. Годовщина возстанья Ижевского завода // Ижевско-Воткинская годовщина. С. 4; П. По освобожденной России (в Ижевске) // Вестн. Приуралья (Челябинск). 1919. № 56. 28 мая. С. 2.
- ¹⁷ Федичкин Д.И. Ижевское возстание в период с 8 августа по 15 октября 1918 года. Написано для Hoover War Library Stanford University California командовавшим Ижевским восстанием Д. Федичкиным, бывшим полковником 13-го Туркестанского Стрелкового полка Российской Армии. 5 October 1931. San Francisco, California / Hoover institution archives. Dmitri I. Fedichkin collection. Box № 1, folder ID: XX 37–8.31. P. 30 (подлинник воспоминаний хранится в Институте Гувера Стэнфордского университета США; в отечественной историографии обычно используется их публикация в эмигрантском журнале «Тервопроходник» за 1974 г., где после кончины автора в 1966 г. был издан существенно переделанный текст).
- ¹⁸ Ibidum. P. 13.
- ¹⁹ Moltchanoff V.M. The last white general // An Interview conducted by Boris Raymond. 1972 by The University of California at Berkeley. P. 78.
- ²⁰ Ibid. P. 39–40, 45 и др.
- ²¹ Наумов В.М. Мои воспоминания // Ижевско-Воткинское восстание / Под ред. В.Ж. Цветкова. М., 2000. С. 83, 86.
- ²² Гутман-Ган А.Я. Ижевское восстание // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Берлин, 1927. Т. 3. С. 159–160.
- ²³ Ефимов А.Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. С. 56.
- ²⁴ Там же. С. 66–67 и др.
- ²⁵ Pārešana pār Kamas upi pee Sarapules pilsētas un kaujas Armezu sādžas (1918. gada novembris). Latvijas valsts arhīvs. F. PA–45, Apr. 80, L. 82, 1–3. lpp.
- ²⁶ См., напр.: Воспоминания Посаженикова Аркадия Викторовича офицера ЧК, НКВД, ГПУ, брата революционерок эсерок-максималисток Екатерины и Клавдии Посажениковых, расстрелянных в годы Гражданской войны. Окончено 1990 год. Уральское отделение АН СССР, Удмуртский институт истории, языка и литературы. РФ. Оп. 2-Н. Д. 921. С. 97–102, 106–113; Стенограмма совещания старых большевиков, участников революции 1917 г. и Гражданской войны на территории Удмуртии, проживавших в Москве. Начато 28 ноября 1956 г. // Коллекция документов по истории Удмуртской областной (республиканской) партийной организации // Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 285. Оп. 1. Д. 62. Л. 26, 41.

*Т.Н. Ростовцева
(Орехово-Зуево)*

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Вот уже более 100 лет прошло с момента издания знаменитого указа 9 ноября 1906 г., положившего начало столыпинским преобразованиям. Согласно этому указу крестьянам разрешалось укреплять наделную землю в личную собственность и выходить из общины на так называемые «отруба» и хутора. Указ должен был заложить фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя. Экономические аспекты реформы основывались на том, что без нормального аграрного фундамента, без процветающего сельского хозяйства, без выплескивания из села на